

РАССУЖДЕНИЕ В КОМПОЗИЦИОННО-РЕЧЕВОЙ СТРУКТУРЕ НАУЧНОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТОВ

Рассматриваются функциональные и структурные особенности композиционно-речевой формы «рассуждение» в научном и художественном текстах. На материале немецкоязычных филологических статей и художественной прозы устанавливаются отличительные признаки научного и художественного рассуждения, касающиеся закономерностей его употребления, функционирования на фоне других композиционно-речевых форм, лексико-грамматического оформления и выполнения различных задач в разных типах дискурса. Выявляется связь установленных различий со спецификой сферы коммуникации с рационально-логическим способом познания и воздействия в науке и с эмоционально-эстетическим — в искусстве

Композиционно-речевая структура текста формируется взаимодействием композиционно-речевых форм. Они представляют собой, с одной стороны, речемыслительные операции, в которых осуществляется процесс мышления и речевая коммуникация, а с другой стороны, — типы текстовых фрагментов, в которых эти операции объективируются. Композиционно-речевую структуру художественного текста (ХТ) образуют повествование, описание и рассуждение; научного текста (НТ) — рассуждение, описание и сообщение.

Композиционно-речевые формы дифференцируются на основе функционально-прагматического критерия, то есть по цели высказывания, и структурно-логического критерия, то есть с учетом типа связи между предметами в мысли и таксисного отношения как соотносительности между собой глагольных действий: отношения временной последовательности (диахронические) в сообщении и повествовании, отношения временной одновременности (синхронические) в описании и отношения причины и следствия в рассуждении. В сообщении и повествовании, таким образом, имеет место хронологически направленный таксис, передающий последовательность событий, в описании — хронологически не направленный таксис, обозначающий одновременность событий, а в рассуждении — логически направленный таксис, выражающий причинно-следственные, условные, уступительные отношения¹.

Сопоставительный анализ показывает, что основу ХТ составляет главным образом хронологически направленный таксис, а основу НТ — логически направленный таксис. Поэтому определяющим в композиционно-речевом структурировании ХТ является повествование, а НТ — рассуждение.

Рассуждение как форма логического мышления отражает ход мыслей, направленных на выявление индуктивным и дедуктивным путем причин и следствий, связанных с объектом познания, с целью получения ответа на поставленный вопрос в виде обоснованного вывода. То есть рассуждение имеет место там, где устанавливается каузальная связь как между явлениями окружающего и внутреннего мира человека, составляющими объект познания, так и между мыслями об этих явлениях.

Рассуждение в ХТ существенно отличается от научного рассуждения не только по частотности употребления, но и по своим функциональным и лингвистическим признакам. Выявление дистинктивных черт научного и художественного рассуждения и входит в задачи данной статьи. Основную причину этих различий следует искать, на наш взгляд, в разных способах познания в науке и искусстве и в разных способах воздействия на адресата со стороны субъектов научной и художественной коммуникации.

Основным способом научного познания является абстрагирование, дифференциация, обобщение полученных представлений о познаваемом объекте и их выражение в научных понятиях, отражающих надличностную сущность и объективную закономерность изучаемых явлений реального мира. Полученная в результате научно-познавательной деятельности информация излагается в тексте эксплицитно, логически ясно и максимально однозначно. При этом воздействие на адресата осуществляется путем открытой логической аргументации и обоснования выводов, чтобы убедить читателя в их правильности, важности и необходимости использования в своей научной, учебно-практической или производственной деятельности.

Основным способом художественного познания является индивидуализация, типизация и сгущение представлений о познаваемом объекте при формировании художественного образа, в котором он воссоздается в форме конкретной сущности и выявляется его личностный смысл. Социально и индивидуально обусловленная ценностная ориентация субъекта художественного познания придает эстетическую значимость явлениям объективной реальности, создавая в сознании художника вторичный по отношению к реальной действительности художественный мир, изображаемый в литературном тексте. В отличие от ученого, писатель не декларирует свою художественную идею в открытом виде и тем более не доказывает ее справедливость путем логических рассуждений. Он кодирует ее в художественных образах, сюжете и других элементах структуры ХТ. Этот вторичный по отношению к языковому литературно-художественный код расшифровывается читателем при восприятии текста. При этом читатель переживает изображаемые события «изнутри» вместе с персонажами, то есть духовно-практически осваивает чувственно-эмоциональный опыт, обогащающий его духовный мир и влияющий на его поведение в реальной жизни.

Рационально-логический тип познания и воздействия в науке и эмоционально-эстетический — в искусстве обуславливают особенности функционирования и структурно-семантические различия научного и художественного рассуждения.

В ХТ рассуждение обычно выступает в экспрессивной форме размышления вымышленных лиц — повествователя и персонажей, — связанного с изображаемым событием непосредственно или ассоциативно. Оно встречается,

таким образом, как в речевом плане повествователя, так и в речевом плане персонажа. Ср.:

(1) *Unsterblichkeit, wisst ihr, das ist ein nicht ungefährliches Wort, denn es stellt sich ja hin und bestreitet eine der wichtigsten Tatsachen, die unser Leben bestimmen: es bestreitet unsere Sterblichkeit, es tröstet uns über die hinweg, und da ist nicht immer gut, weil wir allzuviel Unaufschiebbares hinauschieben im Glauben an unser ewiges Leben* (H. Kant «Kommen und Gehen»).

(2) *«Was hat sie so verwandelt?» sann das Kind, das ihnen im rollenden Wagen gegenüber saß. «Warum sind sie nicht mehr zu mir wie früher? Weshalb vermeidet Mama immer meinen Blick, wenn ich sie ansehe? Warum sucht er immer vor mir Witze zu machen und den Hanswurst zu spielen? Beide reden sie nicht mehr zu mir wie gestern und vorgestern, mir ist beinahe, als hätten sie andere Gesichter bekommen (...). Ich habe ihnen doch nichts getan, kein Wort gesagt, das sie verdrießen konnte! Nein, ich kann nicht die Ursache sein, denn sie sind selbst zueinander anders wie vordem. Sie sind so, als ob sie etwas angestellt hätten, das sie sich nicht zu sagen getrauen.* (S. Zweig «Brennendes Geheimnis»).

Первый пример представляет философское размышление повествователя о вере в бессмертие, в котором обобщается поведение людей, не задумывающихся о конечности человеческой жизни. Это рассуждение является переходом от сообщения о смерти героини в начале рассказа Г. Канта к повествованию о событиях ее жизни, поступках, оказавших влияние на судьбы других людей и проливающих свет на то, почему повествователь считает возможным назвать ее бессмертной. Эпическая дистанция от изображаемых событий и отсутствие временной соотнесенности с этими со-

бытиями, типичные для рассуждения, выражаются здесь временной формой абстрактного настоящего, а обобщение поведения людей — местоименными формами *wir, uns, unser*, имеющими генерализирующее значение. При отсутствии временной соотнесенности сказуемых на первый план выдвигаются структурные элементы рассуждения, эксплицирующие движение мысли посредством цепной связи, которая осуществляется через повтор номинаций ключевых понятий смерти, бессмертия и их словесного выражения: *Unsterblichkeit — ein nicht ungefährliches Wort — es — eine der wichtigsten Tatsachen — Sterblichkeit — ewiges Leben*. Сцеплению мыслей способствует также лексический повтор глагола *bestreiten* и употребление однокоренных слов *Unaufschiebbares-hinausschieben*. Причинно-следственные отношения между составляющими данного фрагмента рассуждения выражаются союзами *denn, weil*, отношения конъюнкции — союзом *und* и бессоюзным присоединением. Этот пример примечателен также эксплицитной обращенностью к вымышленному читателю (*wisst ihr*), которая подчеркивает всеобщность знания о предмете рассуждения.

Второй пример взят из речевого плана персонажа новеллы С. Цвейга и представляет собой внутренний диалог мальчика-подростка, размышляющего о перемене отношения к нему со стороны матери и барона, их нового знакомого. Предмет размышления вводится следующими друг за другом вопросами, которые возникают в голове мальчика и на которые он не может найти ответ. Развитие его мыслей концентрируется на сравнении ситуации сегодня и в прошлом, что выражается сравнительными оборотами *wie gestern und vorgestern, wie vordem* и глаголами в формах прошедшего времени: *Ich habe ihnen doch nichts*

getan, kein Wort gesagt, das sie verdrießen konnte! Субъективные впечатления, на которые опирается движение мысли персонажа в поисках подтверждения его сомнений, выражаются формой сослагательного наклонения *Plusquamperfekt Konjunktiv* в придаточных сравнительных с союзами *als, als ob (als hätten sie andere Gesichter bekommen; als ob sie etwas angestellt hätten)*, его досада по поводу непонимания причин изменившегося к нему отношения — восклицательной формой предложения, модальной частицей *doch*, отрицательным словом *nein*. В своем размышлении мальчик противопоставляет себя матери и барону, что отражается в лексическом заполнении субъектных позиций: с одной стороны, *sie, beide (sie, Mama, er)*, с другой — *ich*.

Рассмотренный пример рассуждения из речевого плана персонажа отличается, таким образом, соотнесенностью с изображаемыми событиями и экспрессивным синтаксисом, типичным для устной речи, которую имитирует внутренний диалог-размышление. В нем передается эмоциональное состояние персонажа, его страх, сомнения, одиночество и другие чувства и переживания, способствующие формированию художественного образа. С этой точки зрения интересны также случаи, когда рассуждение повествователя в авторской речи и рассуждение персонажа в несобственно-прямой речи образуют целостное размышление. Ср.:

Er (Edgar) sprang auf. *Nur heim, heim, irgendwo zu Hause sein im armen, im hellen Zimmer, in irgendeinem Zusammenhang mit Menschen. Was konnte ihm denn geschehen? Sollte man ihn schlagen und beschimpfen, er fürchtete nichts mehr, seit er dieses Dunkel gespürt hatte und die Angst vor der Einsamkeit* (S. Zweig. «Brennendes Geheimnis»).

Рассмотренные примеры свидетельствуют также о ярко выраженной синсемантии предложений в текстах рассуждения. К ним вполне применимо сравнение, сделанное в свое время Т. И. Сильман: «Нити, протянутые от одного предложения к другому, столь многочисленны и отличаются такой плотностью, что можно говорить о переплетенности, о сплетении предложений в единую сеть»².

Следует отметить, что в художественном произведении нет четких закономерностей композиционно-речевого структурирования текста. Можно выделить, однако, общий принцип композиционно-речевой организации ХТ, заключающийся в его «ритмической аранжировке»³, под которой понимается периодичность в чередовании различных композиционно-речевых форм. Она обусловлена прагматической установкой на активизацию внимания читателя.

Как отмечал С. М. Эйзенштейн, в художественном произведении ритм далеко не всегда осознается, но он должен обязательно ощущаться, организовывая эмоции воспринимающего художественную информацию человека. Иначе происходит потеря эмоционального напряжения⁴, так как однотипная информация притупляет остроту восприятия и ослабляет эмоционально-эстетическое воздействие ХТ. Безостановочное развитие художественного действия требует переключения динамического изложения в статический и вневременной план, которое реализуется в композиционно-речевой структуре ХТ взаимодействием повествования с описанием и рассуждением. Описательные фрагменты текста и фрагменты рассуждения не только восстанавливают активность восприятия, но и поддерживают интерес читателя к дальнейшему развитию сюжета. Кроме того, ритмическая организация ХТ отражает моделируемый в художествен-

ной картине мира естественный ритм человеческой жизни, которая строится на чередовании статики и динамики, пассивности и активности. Таким образом, в композиционно-речевой структуре ХТ реализуются различные стороны художественного мира, которые можно дифференцировать с точки зрения отношения к художественному времени: динамическая (повествование), статическая (описание), вневременная (рассуждение).

Целью рассуждения в НТ является аргументация правомерности теоретических выводов и умозаключений автора по поводу объекта исследования и ее представление в убедительной форме, обеспечивающей адекватность понимания и оптимальное воздействие на читателя. Опираясь на предшествующее научное знание, автор НТ обычно заимствует выводы своих предшественников, дефиниции и термины, которые ему импонируют, но редко цитирует их рассуждения. Поэтому научное рассуждение встречается преимущественно в авторском речевом плане НТ.

Смысловыми центрами НТ выступают те логические выводы, которые делает автор на основе своих наблюдений и рассуждений. В композиционно-речевой структуре НТ они представлены в форме констатирующих сообщений. Рационально-логический способ познания и убеждения в науке определяет строгую закономерность в последовательном переходе рассуждения в констатирующее сообщение (индуктивный способ организации научной информации) или наоборот (дедуктивный способ организации научной информации), так как аргументация автора, представленная в рассуждении, является важнейшим критерием научной достоверности выводов, содержащихся в констатирующих сообщениях.

При дедуктивном способе организации научной информации за констатирующим сообщением автора следуют его рассуждения, направленные на подтверждение сделанного вывода, которые могут сопровождаться примерами. Ср.:

In der ungarischen Sprache liegt in den meisten Fällen zwischen den Morphemen und den grammatischen Funktionen eine Eins-zu-eins-Entsprechung vor, d. h. jeder grammatischen Funktion entspricht genau ein Morphem und ein Morphem markiert genau eine Funktion. Das ist aber im Deutschen bekanntlich nicht der Fall. *Denken wir nur einerseits an das Morphem -(e)n, das sowohl Numerus als auch Kasus (den Menschen) markieren kann, und andererseits an die Pluralmarkierung, die im Deutschen durch eine Menge von Formen (z. B. Umlaut, — (e)n, -er, -s, -e,) gekennzeichnet wird* (ZfAL, s. 51).

В первой части приведенного абзаца содержится вывод о различии в выражении грамматических значений в морфологической структуре слова венгерского и немецкого языков, а во второй его части автор подтверждает этот факт путем рассуждения о возможностях морфемы — *(e)n* реализовывать различные грамматические значения имени существительного в немецком языке. Приглашение адресата к совместному с автором рассуждению эксплицируется императивной формой глагола в 1-м л. мн. ч. (*denken wir*), а подразделяюще-объединяющая связь компонентов рассуждения — с помощью парных союзов и наречий (*sowohl... als auch, einerseits... andererseits*). При этом связь с констатирующим сообщением осуществляется путем лексического повтора терминов *Morphem, markieren* и повтора терминов, связанных отношением включения: *grammatische Funktion — Numerus, Kasus, Plural*.

При индуктивном способе организации научной информации за рассуждением автора следует вытекающий из него логический вывод в форме констатирующего сообщения. Ср.:

Obwohl das Phänomen Sprech — bzw. Sprachrhythmus in der Vergangenheit mehrfach diskutiert wurde und zahlreiche Untersuchungen dazu vorliegen, wird es noch immer sowohl in der Sprach- als auch in der Sprechwissenschaft unterschiedlich konzeptualisiert. Einige Probleme, die in diesem Zusammenhang auftreten, sollen deshalb anhand etlicher empirischer, auch älterer Arbeiten diskutiert werden (ZfAL, s. 3–4).

Данный фрагмент НТ начинается с рассуждения автора о различном понимании речевого ритма в лингвистике, несмотря на множество исследований в этой области. При этом получают выражение: авторская оценка толкования объекта исследования в науке (*unterschiedlich*), подразделяюще-объединяющая связь наук о языке и речи (*sowohl... als auch*), уступительное отношение между компонентами рассуждения (*obwohl*). Связь рассуждения с вытекающим из него выводом во второй части текстового фрагмента имеет причинно-следственный характер и выражается союзным словом *deshalb*. Кроме того, синсемантическая этих высказываний, позволяющая объединить их в одно смысловое целое, подчеркивается употреблением выражения *in diesem Zusammenhang*, отсылающего к содержанию рассуждения, и лексическим повтором глагола *diskutieren*. Следует, однако, отметить, что если логический вывод делается на более высоком уровне обобщения, то оформляющее его констатирующее сообщение обладает высокой степенью автосемантии и воспринимается как достоверная, не подлежащая сомнению истина.

В структурировании научного рассуждения принимают участие, как правило, сложные предложения, которые строятся на основе простых с помощью логических операций, отражающих наиболее общие способы соединения объектов мысли. Среди таких логических операций И. А. Еремина⁵, называет: (1) конъюнкцию, которая выражается соединительной связью: «А» и «В». Ср.: *Das Gewusste trifft immer auf das Objekt zu, und dieses Wissen wissen alle Aktanten* (FAL, S. 20); (2) дизъюнкцию, которая выражается разделительной связью: «А» или «В». Ср.: *Die Analyse darf beides nicht zerstören, indem sie etwa mentale Zustände unterstellt, oder indem sie bei der Interpretationen eines bestimmten Fragments der tatsächlichen Abfolge des Diskurses vorgreift* (FAL, s. 52); (3) импликацию, которая выражается как союзной (*wenn, falls*), так и бессоюзной условной связью посредством инверсии порядка слов: *если «А», то «В»*. Ср.: *Betrachtet man Stereotype als strukturgleich mit Vorurteilen, dann ist es natürlich naheliegend (...) Stereotypen die logische Struktur des Urteils (...) zuzusprechen* (FAL, s. 30).

Однако одной из основных логических операций в рассуждении является, на наш взгляд, каузация, которая выражается причинно-следственной связью: «А», *потому что* «В» или «В», *поэтому* «А». Ср.: *Es kann nicht nur ein einziges Modell geben, da es ja nicht einen Leseprozess gibt* (ZfAL, s. 39). На основе каузации осуществляется причинно-следственная связь не только элементарных предложений в структуре сложного, но и сложных предложений в тексте рассуждения. Ср.: *Es hat sich gezeigt, dass ein akzentisochroner Rhythmus im Deutschen bisher weder für das reproduzierende noch für das spontane Sprechen (...) überzeugend belegt werden*

konnte. Es ist deshalb zu fragen, ob (...) die Rhythmisierung nicht in einem Mehrebenenmodell der prosodischen Organisation der Äußerung aufgehoben werden muss (ZfAL, s. 17).

Характерной чертой научного рассуждения, отличающего его от художественного, является также эксплицирование модусов знания и мнения речевых субъектов — автора НТ и авторов источников информации. Соотнося суждение с модусом знания, автор стремится подчеркнуть его общеизвестность. Если автор эксплицирует свой модус мнения, он обращает внимание на собственную оценку или важность своих доводов, если — модус мнения своих предшественников, то — на существование альтернативных точек зрения на предмет рассуждения, либо точек зрения, подтверждающих выводы автора. Ср.:

Es ist allgemein bekannt, dass man die PPK normalerweise nicht negieren kann, ohne dass die Performativität der Äußerung getilgt wird (ZfK, h. 3, s. 365). *Ich denke, man muss sie sehr skeptisch beurteilen* (ZfK, h. 4., s. 527). *Im Widerspruch zu Hedenius ist Hartnack nicht der Meinung, dass es «performative Sätze» gibt* (ZfK, h. 4, s. 528).

В заключение следует отметить, что в основе выделения научного и художественного рассуждения из других композиционно-речевых форм лежит один и тот же функциональный и логический критерий, и их структурирование осуществляется на основе одинаковых типов связи. Поэтому все отмеченные дистинктивные черты, касающиеся особенностей функционирования, лексико-грамматического оформления и тех задач, которые выполняет рассуждение в НТ и ХТ, можно объяснить только спецификой сферы познания и коммуникации, различием способов познания и воздействия в науке и искусстве.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Россихина Г. Н.* О распределении композиционно-речевых форм по функциональным стилям // Научный и общественно-политический текст. М., 1991. С. 50–58.
- ² *Сильман Т. И.* Проблемы синтаксической стилистики. Л., 1967.
- ³ *Гришина О. Н.* Особенности организации информации в научном и художественном тексте // Функциональные стили. Лингвометодические аспекты. М., 1985. С. 39–48.
- ⁴ *Эйзенштейн С. М.* Избранные произведения. Т. 2. М., 1964.
- ⁵ *Еремина И. А.* Рассуждение как переходный тип речи между монологом и диалогом (на материале английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004.

Источники и принятые сокращения

- FAL — Forum Angewandte Linguistik. Bd. 33. Frankfurt / Main, 1998.
- ZfAL — Zeitschrift für Angewandte Linguistik. H. 32. Frankfurt / Main, 2000.
- ZfK — Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. Bd. 43. H. 4. Berlin, 1990.

N. Pelevina

DELIBERATION IN SCIENTIFIC TEXTS AND IN FICTION

Functional and structural peculiarities of a speech form of “deliberation” in scientific texts and in fiction are analysed. Some distinctive features of their usage, functions and lexical and grammatical peculiarities are identified in German philological articles and fiction. The relation of these distinctive features with types of communication, with rational-logical way of cognition and influence in science and emotional-aesthetic one in art stated.